

Шумная ватага из больших и маленьких детей со смехом ввалилась в дом учителя. Шиму (супруг учителя) ждал их уже давно, и при виде стайки ухоженных, пухленьких детишек его глаза засияли от безграничной нежности.

Е Цзюньшу вошел следом и слегка кашлянул. Малыши, висевшие на старших братьях, тут же спрыгнули на землю. Дети быстро выстроились в ряд и со всей серьезностью поклонились:

— Приветствуем учителя! Приветствуем шиму!

Тонкие детские голоса звучали так трогательно, что в шиму тут же проснулись мощные нежные чувства. Какие чудесные дети! В его возрасте самое время нянчить внуков, но, к сожалению, младший сын еще не был обручен, а семья старшего жила далеко в столице, и маленького внука не было рядом. Будни проходили в одиночестве и тишине, так как же ему было не радоваться этим крохам?

Шиму потрепал близнецов за пухлые розовые щечки и сказал Е Цзюньшу:

— Я всё беспокоился, как ты, сам еще почти ребенок, справляешься с такой оравой, но ты вырастил их просто замечательно.

Он ожидал увидеть худых и вялых заморышей, но дети, которых Цзычжоу растил в деревне, выглядели здоровее и крепче многих городских сверстников, обласканных излишней заботой. Более того, каждый ребенок был прекрасно воспитан: смысленные, вежливые — не чета многим отпрыскам из знатных домов.

Е Цзюньшу лишь улыбнулся. Он и сам впервые растил детей, и, к счастью, они не пошли по кривой дорожке. Полноценное питание и отсутствие голода незаметно сделали свое дело. «Пожалуй, хороший пример перед глазами — это главное, — самонадеянно подумал он. — Глядя на меня и Сяо Шаня, малыши, склонные к подражанию, естественным образом учатся хорошему».

Шиму не мог налюбоваться на детей. Совсем забыв про старших, он повел малышей на задний двор. Е Цзюньшу, снедаемый беспокойством, следовал за ними. Он увидел, как дети, поначалу чувствовавшие себя неловко, под ласковые речи шиму быстро освоились. Вскоре они и вовсе забыли про брата, окружив доброго старика.

Шиму всем сердцем сопереживал судьбе Лу-гэра. При виде его отметин на лице он не проявил ни капли брезгливости — напротив, его взгляд стал еще нежнее, и он специально взял Лу-гэра за руку, когда они гуляли. Видя, что дети вполне освоились, Е Цзюньшу успокоился.

В доме давно не было так шумно. Цинь Яолянь в приподнятом настроении затеял с детьми игру, ведя себя так по-детски, будто ему снова было три года. Цинь Кантан не выдержал этого зрелища. Он за шиворот оттащил двух старших — Е Цзюньшу и Цинь Яоляня — в учебный зал, выудил откуда-то стопку комментариев к канонам и велел им за отведенное время не только досконально их изучить, но и написать собственное эссе с толкованием прочитанного.

Теперь друзьям стало не до игр. Сидя друг напротив друга, они погрузились в книги и успели закончить работы как раз к возвращению Цинь Кантана. Едва Е Цзюньшу отложил кисть, закончил и Цинь Яолянь. Они обменялись свитками.

Сказать по правде, хоть шицун и любил в свободное время почитать развлекательные книжки, его накопленные за годы знания были обширны.

К тому же, постоянно находясь подле учителя, он обладал куда более глубоким и дальновидным взглядом на вещи, чем обычные ученики.

Преимуществом Е Цзюньшу была память о другом мире. Его подход ко многим вопросам был иным: более всесторонним, с необычными углами зрения и свежими идеями. Поскольку он не мог состязаться с коренными книжниками в филигранности классического слога, ему оставалось брать оригинальностью мысли. В целом они с шицюном дополняли друг друга, и такой обмен работами был полезен обоим.

Вскоре пришел учитель. Увидев, что оба добросовестно выполнили задание, он даже немного разглядел свои глубокие морщины на лбу. Сначала он прочел эссе сына.

Работа, которая в глазах Е Цзюньшу была написана превосходно, из уст учителя подверглась жесточайшей критике: Цинь Кантан не оставил в ней камня на камне.

Е Цзюньшу: «...»

Он готов был поклясться, что не ошибся — пока учитель читал, в его глазах явно читалось удовлетворение.

Цзычжоу украдкой взглянул на шицюна. Тот сохранял свой привычный беззаботный вид, явно не принимая нагоняй близко к сердцу. Заметив взгляд друга, Яолян даже тайком скорчил ему рожицу. Цинь Кантан, конечно, заметил ужимки младшего сына, и это разозлило его еще больше. Он просто махнул рукой, веля ему убираться с глаз долой.

Цинь Яолян, получив прощение, мгновенно воодушевился и, проявив вопиющее отсутствие солидарности, бросил Е Цзюньшу и пулей выскочил из зала.

Е Цзюньшу: «...»

Когда учитель взял его эссе, Цзычжоу невольно выпрямил спину. Прочитав работу, Цинь Кантан остался доволен заметным прогрессом ученика, однако прокомментировал сурово:

— Почерк аккуратный, но в нем нет собственного стиля. Нужно больше практики. У меня есть несколько прописей знаменитых каллиграфов, перед уходом возьми их и скопируешь пятьсот раз... В целом содержание статьи свежее, угол зрения уникален, но местами не хватает глубины и фактической опоры. Больше читай, как пишут другие.

Е Цзюньшу внимательно слушал, то и дело кивая. Цинь Кантан добавил:

— В том сундуке лежат лучшие работы учеников за последние десять лет, а также темы и ответы кандидатов на последних экзаменах в академию (юанькао). Изучи их внимательно.

— Слушаюсь, — Е Цзюньшу был тронут.

Семья учителя относилась к нему слишком хорошо. Несмотря на то, что учитель когда-то разочаровался в нем, он всё равно вкладывал в него все силы.

Цинь Кантан продолжил:

— С твоими нынешними знаниями надежд на успешную сдачу экзамена в этом году немного. Ты всё еще намерен идти?

Е Цзюньшу твердо ответил:

— Студент хочет попробовать. Я не требую от себя обязательной победы, я лишь хочу почувствовать атмосферу экзаменационного зала.

Он знал себе цену и понимал: если не сдаст — ничего страшного, это станет ценным опытом. А если вдруг повезет — это будет приятным сюрпризом.

Цинь Кантан кивнул: — Хорошо, что ты так мыслишь. Помни: для ученого нет ничего хуже спешки и жажды наживы. Чтобы далеко продвинуться на пути к чинам, нужны и твердый разум, и глубокие знания. Я бы советовал тебе сдавать через три года — тогда шансов будет больше. Но раз ты настаиваешь, я не стану возражать. До экзамена осталось меньше двух месяцев. Всё это время будешь жить в городе и усердно повторять материал.

— Но... — Е Цзюньшу замялся. Со всей этой оравой детей он не сможет спокойно учиться в городе!

Цинь Кантан отрезал: — Пара лишних комнат в доме найдется. За детьми пока присмотрит твой шиму. Полноправный мужчина не должен, подобно гэррам, ограничивать свой кругозор домашними заботами. Это мелочно.

Е Цзюньшу оставалось лишь сказать:

— Будет так, как велит учитель.

Наставления продолжались целый час, прежде чем Е Цзюньшу выпустили на волю. Он чувствовал себя совершенно вымотанным.

Оглядевшись, он не нашел шицюна. «Наверняка убежал играть с детьми», — подумал он и поспешил в жилую часть дома. Так и было: шицюн со смехом играл с малышами, а шиму с улыбкой наблюдал за ними со стороны.

Е Цзюньшу подошел к шиму, но тот заговорил первым:

— Цзычжоу, учитель тебе уже сказал? — Очевидно, они с мужем уже всё обсудили.

Цзычжоу почувствовал неловкость:

— Шиму, дети озорничают, не знают меры. Боюсь, они нарушат ваш с учителем покой.

— Наоборот, нам в радость это оживление. Дети очень послушные, мы с учителем ими просто не нарадуемся, — с улыбкой ответил шиму.

— Но домашняя птица еще не пристроена, и у детей нет сменной одежды... — Он ведь планировал просто нанести визит и к вечеру вернуться домой, а не оставаться надолго.

— Об этом не беспокойся. Я на досуге сшил несколько вещей, они должны подойти детям. К тому же сохранилась одежда Яоляня и его братьев, в которой они ходили маленькими — если не брезгуете, можете брать. А что до домашних дел... сегодня ведь ярмарка? Люди из твоей деревни наверняка здесь. Передай весточку, попроси соседей присмотреть за хозяйством. Думаю, проблем не будет?

Е Цзюньшу нечего было возразить. Учитель и шиму твердо решили оставить их у себя и продумали всё до мелочей. Не оставалось ничего другого, кроме как кивнуть и согласиться.

После обеда Е Цзюньшу и Цинь Яолянь повели детей гулять по городу. Лу-гэр за утро заметно

адаптировался. Е Цзюньшу, боясь, что тот перенапрягается, не спеша шел, держа за руки его и Цинь-гэра. Сяо Шань и шицюн приглядывали за близнецов.

Е Цзюньшу уже рассказал детям о том, что они останутся у шиму надолго. Старшие понимали: так брату будет легче учиться, и не возражали. А младшие и вовсе были на седьмом небе от счастья — им не терпелось остаться в этом чудесном месте.

Раз решили остаться, Е Цзюньшу нужно было прикупить кое-какие вещи первой необходимости, однако шицюн не позволил ему ничего тратить, заявив, что всё уже подготовлено. От такой заботы Цзычжоу даже не знал, смеяться ему или плакать.

Он взял за руки двух своих маленьких гэров и ласково спросил:

— Лу-гэр, Цинь-гэр, вы хотите что-нибудь купить?

Лу-гэру ничего не было нужно, а Цинь-гэр просто не знал, чего хотеть. В итоге Е Цзюньшу сам накупил разных безделушек и сладостей, заметив, к чему тянулись ручонки Цинь-гэра.

Лу-гэр немного подумал и сказал:

— Брат, может, купим мне немного ниток для вышивания?

Ло-гэр поговаривал, что его мастерство уже заметно выросло, и можно попробовать вышить несколько палатков на продажу. Е Цзюньшу не возражал и повел детей в лавку вышивки. Сам он в этом ничего не смыслил и надеялся, что им повезет встретить аму Мина или кого-то из знающих соседей.

И правда, какая удача! Едва они подошли к лавке, как навстречу им вышел Мин-аму. Обе стороны были искренне рады встрече.

Узнав цель их визита, Мин-аму махнул рукой:

— Без проблем, предоставь это мне.

Он годами сотрудничал с этой лавкой и был в отличных отношениях с владельцем, так что нитки и ткань для платков им отдали по очень выгодной цене. Более того, из уважения к Мин-аму хозяин пообещал: если работа Лу-гэра окажется достойной, он будет принимать её по той же цене, что и у Ло-гэра.

У Е Цзюньшу были свои небольшие сбережения, и он не рассчитывал, что Лу-гэр заработает много денег, но, видя радость в глазах брата, он и сам светился от счастья.

Уладив это дело, Е Цзюньшу добавил:

— Аму Мин, мы с детьми на какое-то время останемся у учителя, до самого конца экзамена. Не могли бы вы присмотреть за нашей птицей в деревне?

— Конечно, — бодро ответил Мин-аму, принимая ключи от ворот и амбара. Немного подумав, он спросил: — А не слишком ли это — столько детей в доме твоего учителя? Может, мне забрать двоих к себе?

Е Цзюньшу с улыбкой покачал головой:

— Шиму очень любит детей, они ему совсем не в тягость.

Мин-аму больше не настаивал. Они поболтали еще немного, и он ушел. Изначально Е Цзюньшу планировал искать его вечером у места сбора сельчан, но раз уж они столкнулись сейчас, надобность в этом отпала.

Весь остаток дня он посвятил играм с детьми, и лишь вернувшись в дом учителя, они с шицюном погрузились в «пучину страданий» — в безбрежный океан знаний.

<http://bllate.org/book/15226/1373380>